

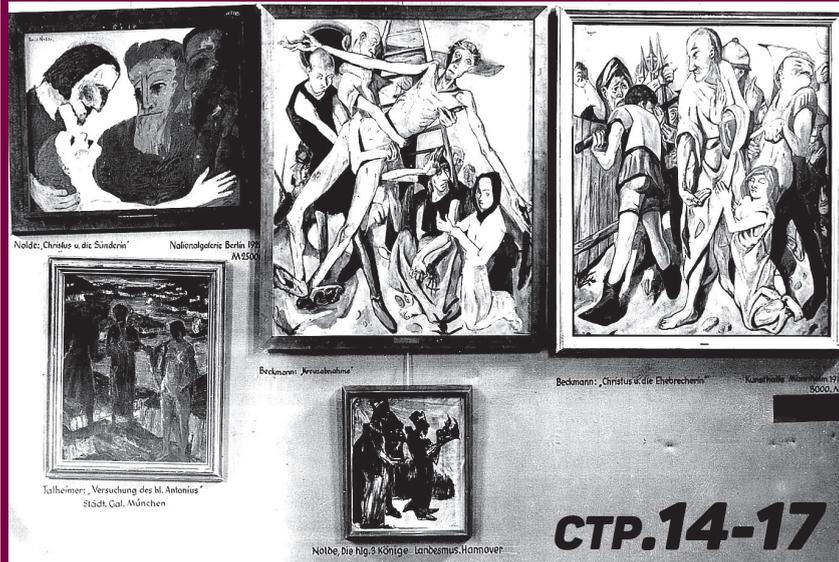
Price in NYC 50¢, outside of NYC \$1

РУБЩИКИ

СТР.20

ПОДПОЛЬНЫЙ КОЛЛЕКЦИОНЕР

СТР.14-17

СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

№19 (204)
МАЙ 2024

БУЛЬВАРНЫЕ НОВОСТИ

ГЛЫБА МРАКА

СТР.8-11

АЛЕКСЕЙ СМИРНОВ, КИНО, ОДЕССА...

СТР.4-7

Хильдебран Гурлитт – отец Корнелиуса

ПОДПОЛЬНЫЙ КОЛЛЕКЦИОНЕР

Геннадий Норд

Одинокий, безобидный, незаметный 80-летний дедушка, одетый элегантно и стильно, спокойно ожидал обычный таможенный досмотр в поезде Швейцария - Мюнхен. В общем-то, это была простая формальность - ведь граница, конечно же, существует, но она есть скорее «на бумаге», чем в реальной жизни. Однако, чем-то этот «безобидный бюргер» привлек внимание таможенного инспектора. Осмотрев пассажира более тщательно, таможенники обнаружили конверт с 9000 евро наличными.

Казалось бы, что в этом такого? Зажиточный с виду гражданин Германии на пенсии, вполне может себе позволить отдохнуть, например, в Швейцарии. По немецким правилам найденная сумма была максимально близка к той, которую можно провозить без декларации, даже через такую «условную» границу.

И вроде бы все было в рамках закона, однако внимательные таможенники, что-то почувствовали и, знаменитая своей вездливостью немецкая бюрократическая машина заработала на полную катушку. Компетентные органы решили присмотреться к «богатому» туристу. И «Дедушку» взяли в разработку.

Звали таинственного пассажира - Корнелиус Гурлитт. Налоги он не платил, нигде никогда не работал, легальных доходов не имел, медицинской страховки у него не было - все расходы на свое лечение он всегда оплачивал наличными, социальные службы о пенсионере были не в курсе, паспорт он продлевал в немецком консульстве в Австрии, никаких нарушений закона само собой за ним не числилось, интернетом не пользовался, номера в отелях бронировал, отправляя обычное «бумажное» письмо, напечатанное на старой печатной машинке (причем,

с просьбой встретить его на такси на вокзале).

Да, так называемая семья у него была, но опять же, почти все они, кроме сына, знали о престарелом родственнике не больше налоговой.

К себе домой родню он не приглашал. Если и были какие-то контакты с семьей, то проходили они вне стен его жилища. Когда Гурлитт бывал дома, он не брал трубку телефона, не открывал двери и зашторивал все окна.

Все это выглядело максимально подозрительно, почти, как описание работы идеального шпиона. И это в итоге оказалось довольно близко к истине.

Таможенники взялись за дело, по крупицам собирая информацию, и через два года они постучались в дверь мюнхенской квартиры странного деда с ордером на руках.

И за дверью этой квартиры их ожидала поистине «находка века».

В доме находилась коллекция полотен мастеров разных эпох от Дюрера до Пикассо и Матисса.

По сути, то, что скрывалось за стенами «простой» немецкой квартиры могло бы запросто стать жемчужиной любого музея искусств. И не одного.

1406 полотен было изъято по результатам первого обыска. Позже были обнаружены еще тайники, в том числе, еще одна подобная «квартира», только в этот раз в Зальзбурге. Ее Корнелиус навещал, когда решал дела по продлению паспорта.

Фамилии авторов полотен приведут в трепет душу любого искусствоведа или коллекционера:

Пабло Пикассо, Анри Матисс, Марк Шагалл, Эмиль Нольде, Отто Дикс, Франц Марк, Пауль Клее, Оскар Кокоска, Макс Либерман, Альбрехт Дюрер, Делакруа, Тулуз-Лотрек, Роден, Энгр, Поль Гоген, Хокусай...

И многие, многие другие.

Общая стоимость обнаруженных работ примерно оценивалась в один миллиард евро.

Перечень имен мгновенно ассоциировался с «участниками» выставки, так называемого «дегенеративного искусства», что моментально обозначило следователям конкретный сектор поиска и сразу же привело к другой персоне, связанной с подпольным коллекционером: Хильдебранту Гурлитту - отцу Корнелиуса.

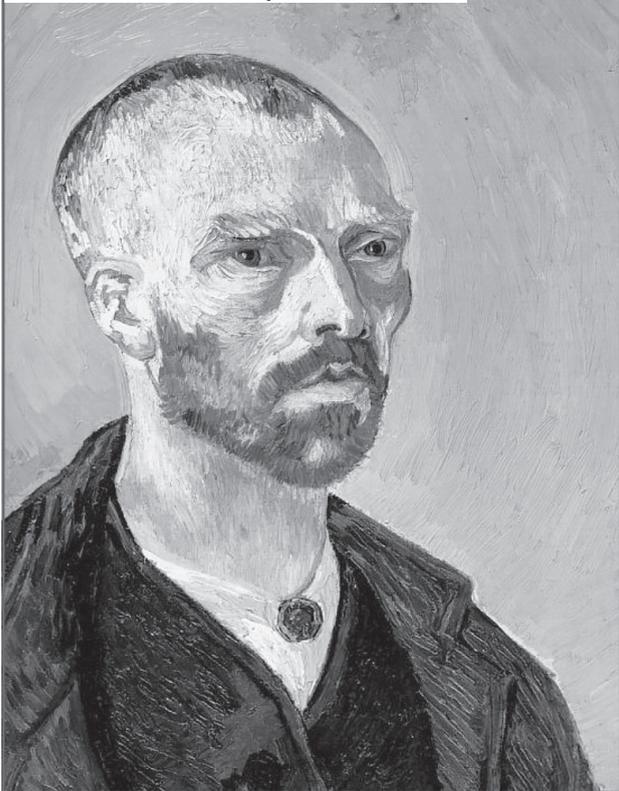
История выставки дегенеративного искусства, которая стала самой посещаемой в XX веке, резко изменила жизни нескольких десятков художников, лишила немецкие музеи бесценных коллекций, добавила слово «дегенеративный» в искусствоведческий словарь и стала символом беспощадной цензуры в нацистской Германии.

19 июля 1937 года на втором этаже здания Мюнхенского института археологии открылась выставка «Дегенеративное искусство». Для нее были отобраны 650 произведений, изъятых из 32 музеев Германии. Главной целью выставки было продемонстрировать и высмеять искусство, которое не вписывается в идеалы нового немецкого общества, оскорбляет религию и немецкую нацию и, наконец, демонстрирует деградацию личности и сплошь создано коммунистами и евреями.

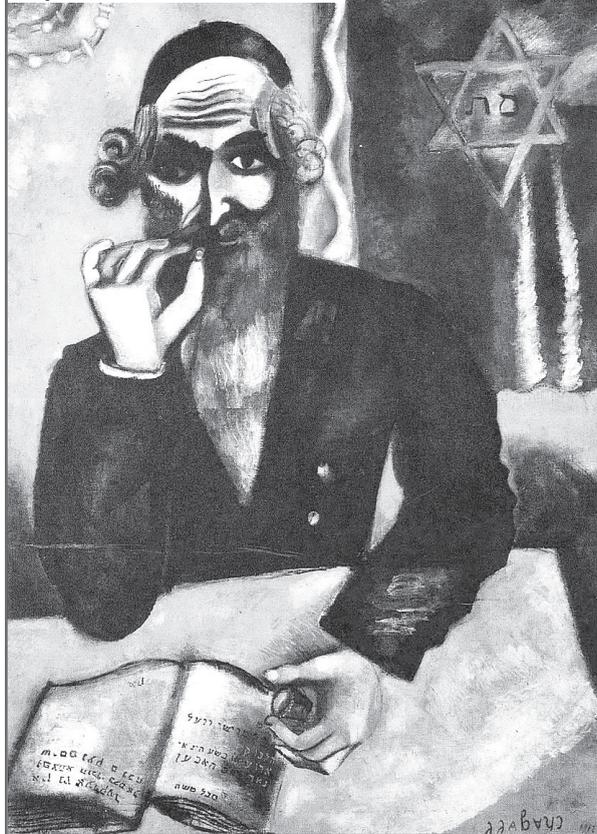
Среди приговоренных работ были не только картины молодых немецких экспрессионистов, дадаистов, сюрреалистов, но и картины художников, которые к этому времени уже стали признанными классиками: Ловиса Коринта, Винсента Ван Гога, Огюста Ренуара и Поля Гогена.

Адольф Гитлер с тринадцати лет мечтал стать художником, в школьные годы всегда получал отличные оценки по рисованию и предпринял несколько попы-

Автопортрет, Ван Гог (1888) был продан на аукционе в Люцерне 30 июня 1939 года за 40 тысяч долларов

Марк Шагал Понюшка табака

Картина Марка Шагалла Аллегорическая сцена. Одна из найденных у Гурлитта

Выставка Дегенеративное искусство, Мюнхен (1937)

искусство полезно немецкому народу, а какое - губительно.

Но Германия оставалась все же страной, в которой Кандинский написал «Первую абстрактную акварель», а Пауль Клее - «Чирикающую машину», в которой Ласло Мохой-Надь построил «Светопространственный модулятор», четыре студента из Дрездена придумали экспрессионизм, а архитектор Вальтер Гроппиус - самую влиятельную школу искусства и дизайна Баухауз.

И Гитлер взялся основательно подправить в истории немецкого искусства эти досадные моменты с той же одержимой уверенностью, с какой правил этнические и расовые недоразумения в истории человечества. Небо на картине должно быть синим, трава - зеленой, мужчины и женщины должны демонстрировать спокойствие, силу духа и гармонию. Все остальное - порождение больного разума. Ради здоровья нации уничтожить следует все эти пасквили на прекрасный немецкий мир, а лучше и самих авторов как душевнобольных и недостойных передать свои отравленные гены потомству.

В июне 1937 года специальная комиссия под управлением Адольфа Циглера получает от фюрера задание конфисковать из музеев Германии все картины, написанные за последние полсотни лет кубистами, сюрреалистами, дадаистами, экспрессионистами и даже импрессионистами. Если директор музея выказывает недовольство, его тут же сменяют другим - более покладистым. Картины свозят в помещение бывшего зернохранилища в Берлине - их оказывается больше 20 тысяч.

Окончание на с. 16

Перед входом на мюнхенскую выставку «Дегенеративное искусство» (1937)

- Терпеть не могу, когда картины пишут кое-как, - довольно часто говорил он, - такие картины, по которым никак не скажешь, то ли они вверх ногами, то ли шиворот-навыворот, и несчастный багетчик должен приделывать к ним крючки со всех четырех сторон, потому что не может угадать, где верх, где низ!

В 1930-е годы Германия стала страной, в которой Адольф Гитлер решал, какое

Картины Ловиса Коринта «Ессе homo» и Франца Марка «Башня синих лошадей» в залах Археологического института (1937)

ток поступить в художественную школу, а потом в Художественную академию в Вене. Провалив экзамены, от своей мечты он не отказался, и работал художником несколько лет: писал небольшие картины с видами исторических зданий Вены, обзавелся дилером, судился с ним, выиграл и начал продавать картины сам.

- Еще молодым человеком в Вене я однажды увидел картину Грюцнера в окне картинной галереи, очень похожую на эту, - сказал Гитлер, показывая на картину с изображением старого монаха. - Я робко вошел и спросил, сколько она стоит. Оказалось, что намного больше, чем я мог себе позволить. Господи, подумал я, удастся ли мне добиться такого успеха в жизни, чтобы я смог купить себе Грюцнера!

Через двадцать пять лет Гитлер владел коллекцией примерно из тридцати шедевров Грюцнера. Эту историю со слов Гитлера записал его личный фотограф Генрих Гофман.

Да, прошло несколько десятков лет, и Гитлер мог себе позволить не только Грюцнера. Его личная коллекция насчитывала несколько тысяч работ, которые приобретались на деньги от продажи книги «Моя борьба». А это были миллионные суммы.

Эдуард фон Грюцнер, автор жанровых картин из жизни неумеренно пьющих монахов, и мюнхенский самоучка Карл Шпицвег, написавший больше тысячи идиллических зарисовок о трогательных городских жителях, были центральными фигурами личной коллекции Гитлера. Он, конечно, боготворил Дюрера, античных скульпторов и голландских классиков, считал прекрасными реалистические и романтические сцены из жизни немецкого города и деревни. Обожал дарить картины из собственных запасов

помощникам, министрам, главам различных ведомств, остроумно подбирая изображенный сюжет к роду деятельности адресата. Картина только тогда считалась картиной, естественно, когда обладала понятным сюжетом.

Генрих Гофман в книге воспоминаний о фюрере пишет о раздражении, которое Гитлер испытывал по отношению к любому непонятному искусству:

Полиптик Эмиля Нольде Жизнь Христа на выставке Дегенеративное искусство

Пабло Пикассо Акробат и молодой Арлекин (1905)

Отто Дикс. Литография из коллекции Гурлитта

Окончание. Начало на с. 15

Горячечные планы сразу все сжечь, уничтожить, избавиться постепенно сменяются здравым рассуждением, что на этом красочном топливе можно подзаработать.

4500 картин отбирают для продажи на аукционах в Швейцарии и свозят в замок неподалеку от Берлина. Среди этих работ оказываются картины Модильяни, Пикассо, Дерена, Ван Гога, Клее, Кокошки.

- Мне доставит огромное удовольствие, если вам удастся сменить Пикассо или Пехштейна на Дюрера и Рембрандта! - сообщает Гитлер членам комиссии.

На швейцарские аукционы съезжаются представители лучших музеев из Европы и Америки: бесценные для многих из них произведения немецкие власти часто продают за гроши.

Сын Матисса, арт-дилер Пьер Матисс, приезжает в швейцарский Люцерн, чтобы выкупить только работы отца. За некоторые лоты назначались цены в десять долларов или в один швейцарский франк!

Впрочем, некоторые музеи принципиально игнорируют эту беспрецедентную возможность разжиться десятком-другим шедевров, потому что не желают иметь никаких отношений с обезумевшим диктатором.

Но прежде чем избавиться от конфискованных картин и скульптур, немецкие власти решают наглядно продемонстрировать народу, какого дна достигло искусство за годы упадка. Всего три недели понадобилось специальной комиссии, чтобы отобрать 650 работ авангардных художников для показательной выставки, которую назвали «Дегенеративное искусство».

Помещение археологического музея было разделено на десять тесных залов наскоро сбитыми перегородками, картины развешивались на простых шнурах плотно и бессистемно, от пола до потолка. Под каждой значилось имя автора, название и сумма, за которую музей эту картину в свое время приобрел. Учитывая гиперинфляцию поствоенного времени и прошедшую после денежную реформу, старые цены выглядели просто фантастическими.

Вход на выставку был бесплатным, чтобы каждый имел возможность поближе познакомиться с издыхающим злом, от которого скоро будет избавлен немецкий народ. Зрители должны были подняться на второй этаж по узкой лестнице, поэтому у входа постоянно собирались очереди. Первые три зала были тематическими: искусство, которое унижает религию, искусство, созданное евреями, и, наконец, искусство, оскорбляющее немецких солдат, женщин и фермеров.

Остальные картины развешивали как придется, снабжая уничтожительными лозунгами, чтобы зритель даже не сомневался, как именно следует воспринимать экспозицию.

«Идеал - кретин и шлюха» - размашисто написано на одной из выставочных стен.

«Безумие как метод» - на другой.

Отто Дикс Автопортрет

«Природа, как ее видит больной разум» - на третьей.

Наконец: «Откровения еврейской души».

Таких издевательских надписей было много.

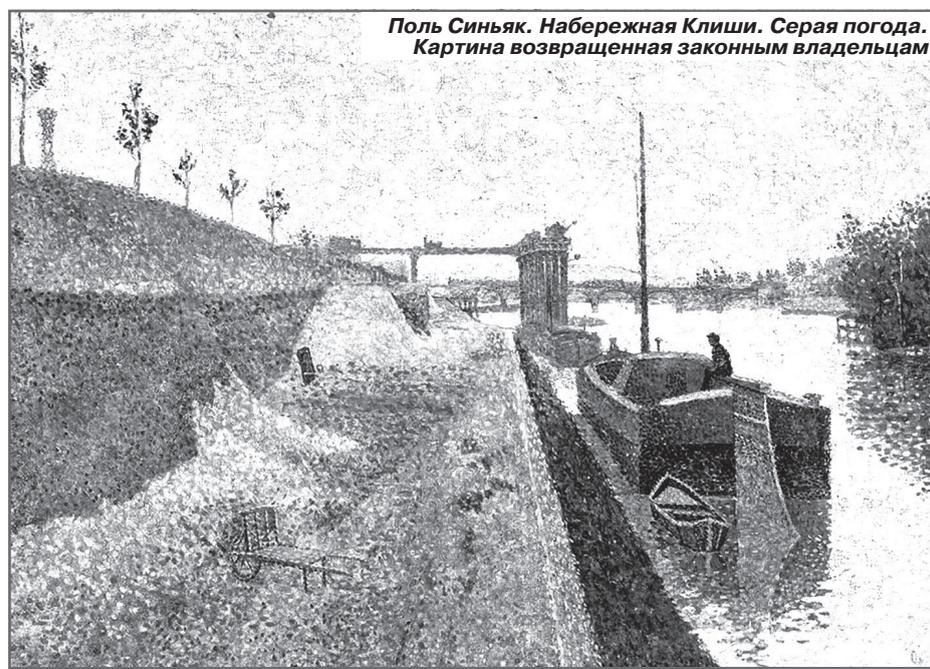
Несмотря на то, что евреев среди сотни опальных художников было всего шестеро, именно еврейскому влиянию, проникшему во все сферы искусства

(дилеры, директора музеев, художники), приписывалось вырожденчество и упадничество. Картины Марка Шагала «Понюшка табака» и «Пурим» были чуть ли не чистосердечным признанием собственной расовой преступности, а сатирические работы Георга Гросса - прямым доказательством, уличающим в большевизме.

Но даже искреннее сочувствие политическому режиму Гитлера не спасало художника от ярлыка «дегенеративного», если он только на словах поддерживал власть, а потом приходил в мастерскую и писал черт знает что: зеленые и синие лица, злоеющие маски и пляшущих африканцев. Так на выставку в Мюнхене угодили, к примеру, картины Эмиля Нольде, который с большим воодушевлением принял национал-социалистов и искренне ждал, что как раз теперь пришел его час, как истинно немецкого художника.

В карикатурные залы Археологического института Мюнхена приходили разные люди: кто-то смеялся и плевал на картины, кто-то внимательно изучал, наверняка, понимая, что это последняя возможность увидеть современное искусство в своей стране. Потому что людей, которые четыре года назад на площади перед Берлинской оперой жгли книги Томаса и Генриха Маннов, Эриха Марии Ремарка, Джека Лондона и Эрнеста Хемингуэя, ничто не остановит от тотальной чистки национальных музеев до стерильного, идейно безопасного, показательного блеска.

Почти четыре года понадобится министеру пропаганды Геббельсу и комиссии под началом Циглера, чтобы провезти нашумевшую выставку по 12 городам

Поль Синьяк. Набережная Клиши. Серая погода. Картина возвращенная законным владельцам

Германии. Это легендарное шоу закончится только в 1941 году, после чего некоторые работы все-таки уничтожат, некоторые продадут за границу, совсем немногие останутся в Германии: немецким коллекционерам, точно знающим историческую цену этих картин, удастся совершить несколько тайных сделок.

За 4 года выставку посетили почти 3 миллиона человек.

Арестовывать «дегенеративных» художников никто не стал. Достаточно было лишиться их возможности работать - и каждый волен был выбирать тот способ наказания, который сможет пережить.

Эмилю Нольде запретили занимать любые должности, связанные с изобразительным искусством, и даже покупать краски. До окончания Второй мировой войны и свержения нацистов он писал акварелью, опасаясь распространять в доме запах масляных красок и попасться на запретном удовольствии. Все эти годы каждый день он заканчивал работу, брал лопату и отправлялся в сад закапывать написанные за день работы. Позже он назовет этот цикл «Ненаписанные картины».

Эрнст Людвиг Кирхнер, один из основателей художественной группы «Мост», покончил с собой во дворе собственного дома спустя всего полгода после открытия мюнхенской выставки дегенеративных художников. Он давно уже жил в Швейцарии и не выдержал тревожных известий о возможном нападении на страну Гитлера.

Высшую школу строительства и художественного конструирования Баухауз закрыли еще в 1933 году - в ней видели серьезную большевистскую угрозу. Ее выпускники строили нарочито функциональные здания без признаков традиционной национальной архитектуры, лепили скульптуры из мусора и утверждали, что цвет в живописи не нуждается в сюжетных подпорках и сам по себе достаточно выразителен. Новой Германии не нужны были больше изготовленные в мастерских Баухауза авангардные стулья из металла и фанеры. Не говоря уже о непонятных геометрических спектаклях, световых фильмах, фотограммах и опасных абстрактных картинах его ведущих учителей. Настоящий немецкий стул должен быть выстроган из дерева, срубленного в настоящем немецком лесу.

Бывший преподаватель Баухауза Василий Кандинский в том же году уезжает во Францию.

Пауль Клее начинает работать в Дюссельдорфской художественной академии. Но это тоже ненадолго. После разгромной «дегенеративной» выставки в Мюнхене его лишают и этой должности. Он вынужден вернуться на родину, в Швейцарию.

Некоторых художников, героев разгромной выставки, в стране уже не было: Оскар Кокошка переехал в Прагу спустя год после того, как к власти пришел Гитлер, Георга Гросса (его нацисты особо боялись и называли «культурным большевиком номер один») пригласили в Америку и того раньше - еще в 1932.

Дадаист и член объединения «Новая вещественность» Отто Дикс вынужден был, как любой художник, оставшийся в Германии, стать членом Палаты изобразительных искусств. Его уволили из Дрезденской академии и приказали писать только декоративные пейзажи. Не тут-то было! В разгар правления национал-социалистов Дикс написал самую беспощадную сатирическую картину, изобразив безумного карлика Гитлера в окружении семи смертных грехов. Правда, усы дописал ему уже только в 1945 году. Дикса арестовывали по подзвучению в покушении на фюрера, но отпустили за недостатком доказательств. К самому концу войны его призвали на фронт.

Макс Бекман, уволенный из Франкфуртской академии, и Ласло Мохой-Надь уезжают в Голландию сразу же после открытия выставки «Дегенеративное искусство». Оба со временем переберутся в Америку, получат заслуженное признание и станут преподавать: один - в Нью-Йорке, другой - в Чикаго.

Марку Шагалу достаточно было просто писать что угодно, чтобы попасть в список дегенеративных художников. Он был евреем, 200 картин которого находились

Большой мак, Эмиль Нольде (1942)

Лошади в пейзаже, гуашь Франца Марка много лет считалась утерянной

к началу 1930-х годов в немецких музеях. Писать при этом портрет еврея со звездой Давида, нагло пылающей за его спиной, подобно для нацистов признанию в собственной расовой и художественной неполноценности.

В 1937 году Германия практически лишилась коллекции современного искусства.

Но папа новоявленного коллекционера, в нацистской Германии был одним из четырех официальных арт-дилеров, занимавшихся вопросами пополнения коллекции высокопоставленных персон третьего рейха. Что самое интересное: он же, по некоторым сведениям, производил «скупку» полотен «дегенеративного» искусства у зажиточных евреев - граждан Германии той поры.

Конечно, те годы не особо располагали к торгу с официальными властями. Поэтому многие коллекционеры отдавали свои полотна почти даром, по сути, за шанс выбраться живым с территории рейха.

Однако, все та же немецкая пунктуальность сыграла на руку уже сыну бывшего воротилы третьего рейха, кстати погибшему в автокатастрофе в 1956 году.

На руках у Корнелиуса сохранились «расписки» бывших владельцев, что делало его легальным владельцем этих полотен. Именно благодаря таким чекам и распискам «Корейко» от арт-бизнеса даже смог продавать некоторые полотна на официальных аукционах. И что немаловажно - если он узнавал о живых наследниках бывших владельцев картин - им перечислялся процент с продажи произведений искусства. Эта предосторожность в сочетании с другими «шпионскими» привычками жизни и позволила Гурлитту продержаться в тени так долго.

Другим обстоятельством, сыгравшим на руку наследнику нациста стал закон Германии о реституции, а точнее срок действия по подобным делам - 30 лет, которые давно прошли.

Но налоговые органы не простили Корнелиусу такой многолетний бизнес. На него завели несколько дел по уклонению от налогов, а с учетом его возраста и здоровья предложили расстаться с коллекцией без судебных «разборок» в обмен на налоговую амнистию. Конечно же, такой персонаж как Корнелиус не согласился на сделку и пошел во встречную атаку.

Он нанял адвокатов и те многократно оспаривали решения суда, как по штрафам, так и по конфискации полотен.

В завязавшейся юридической неразберихе, связанной с правами на обнаруженные картины, немецкое правительство приняло решение пока не публиковать полный перечень обнаруженных шедевров, дабы избежать неизбежного наплыва желающих доказать свое родство с кем-нибудь из репрессированных в те годы коллекционеров. Однако часть работ все же была опубликована, и в данный момент по ним еще идет процесс установления всех деталей владения. А некоторые шедевры, если быть точными на данный момент, даже смогли найти своих законных владельцев.

Например, картину Поля Синьяка «Набережная Клиши. Серая погода» вернули наследнице коллекционера, сбежавше-

Корнелиус Гурлитт

го в годы войны во Францию. Картина принадлежала Гастону Просперу Леви до конфискации ее нацистами во время Второй мировой войны.

Сам же Корнелиус в единственном интервью заявил, что ближе семьи, чем эти полотна у него в жизни никого не было, и он не прекратит сражаться за них. Во многом эти слова оказались пророческими - в 2014 году таинственный коллекционер ушел из жизни. Многие тайны он забрал с собой, в том числе, возможно, тайну нахождения знаменитой «янтарной комнаты». В нечастых разговорах со своим кузеном он несколько раз упоминал о том, что знает, где она находится.

Перед смертью, обиженный на действия немецких властей Корнелиус, составил завещание, в котором завещал все свои картины Музею искусств в Берне, при этом он пошел на сделку с властями Германии и согласился вернуть картины владельцам, если такие объявятся и докажут свои права на картины.

Все это увеличило и без того достаточно большой юридический узел, который власти нескольких стран долго пытались распутать.

Масло в огонь подлил и сын покойного коллекционера.

Он также заявил свои права на часть коллекции и не намерен сдаваться. По сей день идут судебные тяжбы по спорному наследству.

По договоренности с Берном специалисты музея исследовали загадочную коллекцию - в середине 2020 года и сделали заявление, что выяснить, кому ранее принадлежали 1000 из примерно 1500 картин невозможно.

В общем, точка в противостоянии нескольких государств и наследников еще не поставлена.

Дом, в котором находилась квартира загадочного коллекционера

